

ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА

 <https://orcid.org/0000-0002-9624-5779>
o_kuznetsova@mail.ru

СМЕРТОНОСНЫЕ КУРЬЕЗЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII–XVIII ВВ.

CURIOUS DEATHS IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 17TH–18TH CENTURIES

The subject of the article is a poetic text from the manuscript in Tikhonravov's collection, which is presented in the Russian State Library. It was created under the influence of medieval books, related to the theme of *memento mori* (*Theatrum mortis humanae tripartitum*). The poem describes three curious deaths, as an author qualifies them. Aegeus dies out of cowardice and the lack of wisdom when he saw the decrepit sails on his son's ship, although Theseus came away from Crete with a victory. Aeschylus was killed because of his naivete when he was trying to avoid a prophecy saying that he would be killed by a falling of someone's house, but an eagle dropped a tortoise on his head. Samson kills himself of excessive courage and the lack of wisdom. These stories, given in a poem as an *exempla*, are borrowed from the book *Ifika Hieropolitics*. When comparing these texts, one can see the technology of transcribing a prose text into a poetic text, which was used at the beginning of the 18th century. Lots of historical anecdotes about curious deaths have been known since antiquity. In the Middle Ages, they are grouped in literature on the theme of death. In Russia, this model was realised in the poetry of Simeon of Polotsk and flourished during the Baroque period. Such plots subsequently appeared in works of fiction and non-fiction, and not only in historical anecdotes, but also for characterising the absurdity of life and creating existential horror. Similarly to baroque texts, they still combine elements of the terrible and the curious.

Keywords: baroque, *Ifika Hieropolitics*, poetry, *Theatrum mortis*

Статья посвящена изучению рукописного стихотворного текста из собрания Тихонравова Российской Государственной библиотеки. Он был создан под влиянием средневековых сборников, связанных с темой *memento mori* (*Theatrum mortis humanae tripartitum*). В нем описываются три курьезные, с точки зрения автора, смерти. Эгей погибает от малодушия и нехватки рассудительности, увидев ветхие паруса на корабле своего сына, который победоносно возвращался из Крита. Эсхил умирает от недогадливости, когда уходит из города, желая тем самым избежать предсказанной ему смерти. Самсон убивает себя от переизбытка храбрости и недостатка мудрости. Сюжеты, приведенные в качестве *exempla*, заимствованы автором из книги *Ифика Иерополитика*. При сопоставлении этих текстов можно видеть технологию переложения прозаического текста в стихотворный, характерную для начала XVIII в. Различные исторические анекдоты о курьезных смертях известны с Античности. В Средневековье они группируются в литературных текстах о смерти, на Руси эта модель реализуется в поэзии Симеона Полоцкого и достигает расцвета в эпоху литературного барокко. В позднее время

подобные сюжеты возникают в художественных и публицистических произведениях уже не столько как исторические анекдоты, сколько для характеристики абсурдности бытия, создания экзистенциального ужаса, но и в них, подобно текстам прошлого, можно обнаружить сочетание страшного и курьезного.

Ключевые слова: вирши, барокко, *Ифика Иерополимтика*, *Theatrum mortis*

Тема *memento mori* с ее многочисленными устойчивыми мотивами и образами была хорошо известна на Руси XVII в. В это время активно переводились западноевропейские стихотворения и поэмы, сочинялись аналогичные тексты на русском языке, осознавались эмблемы, фокусирующие внимание зрителя и читателя на трагизме мимолетности земных наслаждений. При наличии многих отголосков этой темы в древнерусском искусстве, расцвета на Руси она достигает именно в эпоху барокко, на стыке XVII и XVIII вв. В это время, помимо назидательной составляющей, русские авторы воспринимают и курьезную: они обыгрывают парадоксальные утверждения и изображения, пишут многоплановые эмблематические произведения, со вниманием относятся к подбору колоритных примеров (*exempla*), заимствуя и переосмысляя сюжеты мировой истории.

Одним из таких произведений является стихотворный цикл Симеона Полоцкого о смерти, и в частности, текст под номером 11, представляющий собой каталог необычных смертей¹. Назидательная составляющая стихотворения сводится к напоминанию о внезапности смерти, но для иллюстрации, а также утешения и изумления читателя (сочетание страшного, отвратительного и чудесного, изумительного характерно для барокко) автор приводит анекдоты о смерти знаковых личностей, которые на самом деле и являются смысловым центром текста. Пока неизвестно, заимствует ли Симеон всю «коллекцию смертей» из определенного источника, но по отдельности эти случаи то и дело возникают в позднеантичных произведениях, наследуемых впоследствии Средневековьем².

Анакреонт в стихотворении Симеона умирает, подавившись ягодой (варианты предания конкретизируют: сушеным виноградом или косточкой), а некий благородный Товий погибает от волоска, попавшегося ему в молоко (стихотворец фокусирует внимание на барочном парадоксе: не острый меч, но волосок стал причиной смерти бесстрашного военачальника). Оба

¹ Стихотворение публиковалось неоднократно: *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.*, вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко, Ленинград: Советский писатель 1970, с. 153–155; *Памятники литературы Древней Руси*: сборник, Москва: Художественная литература 1994, вып. 12: XVII век, кн. 3, сост.: С. И. Николаева, А. М. Панченко, с. 135–136; С. Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли и Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien: Böhlau 2000, т. 3, с. 144–146.

² *Русская силлабическая поэзия...*, с. 375.

эти случая, с которых начинается перечень Симеона, связаны между собой и упоминаются, например, в Книге XII *Естественной истории* Плиния Старшего – правда, вместо Товия героем истории с молоком там является Фабий Сенатор (видимо, в источнике Симеона был вариант Фодий). Затем в стихотворении рассказывается о смертях от радости. Радость спартанского эфора Хилона связана с победой его сына (событие упомянуто Диогеном Лаэртским в трактате *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*). Радость Софокла вызвана завершением работы над трагедией. В других вариантах предания – а их сохранилось несколько – говорится, что это была радость от победы на состязаниях драматургов; есть и более курьезная версия: Софокл умирает во время чтения *Антигоны* из-за перенапряжения. Увенчанный Клидим (возможно, Клидем, Клитодем) слишком веселится во время торжества. Атлет Диагор Родосский гордится сыновьями, победителями Олимпиады, которые возложили свои венки чемпионов на главу любимого отца – эпизод упомянут, например, Цицероном (*Тускуланские беседы*).

Рис. 1. Гравюра с изображением гибели Эсхила. *Theatrum mortis humanae tripartitum*.

Симеону Полоцкому могли быть известны средневековые сборники, вроде *Theatrum mortis humanae tripartitum* (1682), в которых приводились многочисленные анекдоты о смерти исторических персонажей. Такие издания содержали стихотворные эпиграммы (подписи) и искусные гравюры, что обеспечивало книгам большую популярность.

В 1712 г. в России выходит поучительное сочинение *Ифика Иерополитика*, впоследствии неоднократно переизданное. Это эмблематическая книга: в ней тема порока или добродетели раскрывается через гравюру (*pictura*), сопровождается стихотворной подписью (которая отчасти выступает в качестве *motto*), далее следует подробный прозаический комментарий с изложением отдельных сюжетов в качестве примеров, назидательных и занятых «повестей кратких». И аллегории, и поучительные сюжеты восходят к западноевропейской традиции, а кроме того, имеют переключки со сборником *Символы и Эмблемата* (1705). Существуют рукописные варианты книги *Ифика Иерополитика* с перерисованными с гравюр изображениями и весьма точным воспроизведением печатного текста³.

В *Ифике Иерополитике* далеко не все сюжеты связаны с внезапным наступлением смерти, хотя эта тема звучит в отдельных эмблемах, и сюжетные звенья *exempla* группируются вокруг нее. Например, в главе о силе любви родителей к своим детям описывается гибель Эгея, Квинта Фулвия, а затем смерть от радости двух римских матрон (без тени иронии или осуждения). Однако некий стихотворец XVIII в.⁴ выбирает из книги две эмблемы, объединенные темой роковой смерти, и перекладывает их комментарий в стихи. К изложению двух сюжетов добавляется лаконичный третий, о Самсоне. Этот хорошо известный библейский персонаж упоминается также в *Ифике Иерополитике*, но прямых источников третьего сюжета (а точнее, его необычной интерпретации) не обнаруживается. Само стихотворение имеет латинский заголовок *De Sapientia* и посвящено, соответственно, мудрости, а вовсе не теме *temento mori*. Однако за не слишком убедительными логическими склейками и моралистическими сентенциями трудно не увидеть осколки жанровой формы виршей о смерти. Как и средневековые авторы, поэт пересказывает *exempla* курьезной гибели знаковых персонажей (для человека XVII–XVIII вв. и античные цари, и греческие писатели, и библейские герои были прежде всего персонажами мировой истории). Остановимся подробнее на каждой из частей этих виршей.

³ *Ифика Иерополитика*, РГБ Ф. 37, № 12. Благодарю Николая Буцких за указание на эту рукопись.

⁴ РГБ Ф. 299, № 43. В рукописи, о которой идет речь, интересующему нас тексту предшествует стихотворение авторства Петра Попова.

Текст составлен в форме эмблематического барочного стихотворения, он имеет композиционную рамку, в которой дважды, почти одними и теми же словами, выражен основной тезис, *motto*: мудрость славнее, лучше храбрости. Тезис подкрепляется тремя сюжетными аргументами о курьезных смертях, которые должны служить иллюстрациями недостаточно мудрого поведения.

Богатырь Самсон, по уверению автора, погибает от собственной храбрости. Его гибель характеризуется словом «всуе», хотя, согласно каноническим текстам (Суд. 16: 23–30), Самсон жертвует жизнью, чтобы расправиться с врагами. Именно с традиционным посылом вводится, например, история Самсона в басню *О слоне и змии* в изложении Андрея Виниуса, которое восходит к сборнику *Theatrum Morum*⁵: «[...] соизволяют лучше умереть с неприятelmi своими, нежели в гонении жити. И своею смертию врагов своих погубляют. Сице сотвори Сампсон филистинам. Ибо аще сам сокрушился опровержением храмины, обаче многиа погуби [...]»⁶.

Второй пример апеллирует к очень распространенной легенде о смерти Эхсила. Согласно стихотворному рассказу, Эхсил узнает некое верное предсказание своей скорой кончины, после чего уходит из города и садится где-то в поле, а пролетающий орел сбрасывает на его голову черепаху (приняв лысину поэта за камень, удобный для раскалывания панциря). В качестве поучительного вывода говорится, что ум Эхсила годился для сочинения стихов, но не помог ему в этой бытовой ситуации. Если исходить лишь из фактов, приведенных в тексте, вывод кажется странным или ироничным, поскольку смерть от черепахи с неба никаким умом нельзя было предугадать. Более точный вариант легенды изложен в источнике автора – комментарии к эмблеме *Ложная живота надежда* из книги *Иффика Иерополитика* со ссылкой на Плиния Старшего, который также обращался к этому анекдоту в *Естественной истории*:

Эхилий некто, изряднейший стихотворец Афинский, прием извещение о смерти нечаянной, яко имать быть сверху вержения, изыде от града и в пусте месте сидяще на ясне. Орел же, по воздуху носяй желва, искаше камене, да тамо и от высоты низпустив, разбьет (сице бо со желвиами творят орлы) и насытится от мяса его. По случаю же птенец ов, зря главу Ехшилиеву лысу и светящуся, мняя же ту быти камень, испустил ешь желва от ногтей, иже паде на главу старца. Тако бяше нечаянный конец изшедшему от града на чистое и светлое место⁷.

⁵ Р. Тарковский, Л. Тарковская, *Эзоп на Руси. Век XVII: исследования, тексты, комментарии*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин 2005, с. 477.

⁶ Там же, с. 354.

⁷ *Иффика Иерополитика или Философия нравоучительная символами и приуподоблении изящна*, Вена: При восточном илирическом типографе Иосифе Курцбек напечатана 1774, с. 291.

Рис. 2. Гибель Эсхила. *Ифика Иерополитика*: перерисовка гравюры в рукописи и оригинальная гравюра из позднего издания.

Использованная автором виршей техника переложения прозаического текста в стихотворный в целом характерна для эпохи раннего Нового времени: каждая нечетная строка цитирует начало очередной прозаической фразы, затем к ней подбирается рифма и наращивается парная строчка. Но в отличие от многих предшественников, авторов XVII в., стихотворец делает вполне содержательной и четную строку. Для сравнения можно обратиться к виршевым двоестрочиям-подписям к Соборнику 1647⁸, зарифмованным пословицам в составе виршевых посланий этого времени⁹ или стихотворным переложениям афоризмов¹⁰. Стихотворная подпись из той же эмблемы никак не использована автором виршей, вероятно, потому, что она выдержана в рамках классической темы *memento mori*:

Здрав телом, крепок силами, млад леты –
 смерть на вся сия не терпит смотрети,
 Власть не чаянну случаю лукаву
 И Есхилию жель сокрушил главу¹¹.

⁸ *Виршевая поэзия (первая половина XVII в.)*: сборник, сост., подгот. текстов, вступит. статья и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина, Москва: Советская Россия 1989, с. 325–363.

⁹ РГАДА Ф. 181, № 250, л. 282–285.

¹⁰ ГИМ Барс. 1531, л. 8–8 об.

¹¹ *Ифика Иерополитика...*, с. 291.

Третий сюжет посвящен смерти Эгея. Царь Афин посылает своего сына Тесея за «некой нуждой» на Крит, а перед отплытием они договариваются о смене паруса при благополучном исходе. Однако Тесей, обрадованный успехом своей экспедиции, забывает об этой договоренности и плывет на старых парусах (о черном цвете ничего конкретно не говорится, как и о Минотавре). Эгей в сопровождении приближенных поднимается на возвышенность и, не увидев белых парусов, считает сына погибшим. От огорчения, для которого в действительности не было причин, Эгей тонет в море. Автор замечает, что из-за недостатка мудрости малодушный царь испугался раньше времени, тогда как именно рассудительность позволяет человеку быть храбрым и не терять голову. В тексте присутствуют интересные реалии, связанные с адаптацией сюжета: Эгей титулуется князем, а его приближенные названы боярами – но все они заимствованы из *Ифики Иерополитики*, которая при изложении этого сюжета ссылается на два источника: *Сравнительные жизнеописания* Плутарха и *История от основания города* Тита Ливия. Приведем этот фрагмент вместе с предваряющей главу стихотворной подписью:

Любовь родителей ко чадам

Дивне лстит любовь, дивне убивает,

Аще кто себе оной доверяет.

Егей пад низу и утопе в море,

Сице с ним мнози погибают вскоре¹².

Афином князь сущи Егей благословную име нужду в Крит послати сына своего, Фезея именем, завеща же: да возвращение имущь благополучное, распрострет на корабли своем знамение бело. И якоже приближахуся дние возвращения Фезеева, отец его с прочиими боляры на столп у берега морского стоящий возшед, смотря и разсматря корабли пловущыя. Фезей убо, аще и благополучное от Крита имяше возвращение свое, забыв увета отча: с ветхими знаменми пловяше. Добре уже позна Егей корабль сыновний и, видя его без знаменья бела, чаяв сына быти мертва, от жалости омертве и паде с столпа в глубину моря¹³.

¹² Примечательно, что ни автор *Ифики Иерополитики*, ни стихотворец прямо не говорят о том, что Эгей сознательно бросается в воду: всё представлено как роковая случайность, внимание заостряется на страдании несчастного отца и характерном для культуры барокко мотиве падении царя с высокого места. Автор рукописной книги изменяет союз в строке: «Егей пад низу, **но** утопе в море», обращая внимание на это обстоятельство.

¹³ *Ифика Иерополитика...*, с. 51–52.

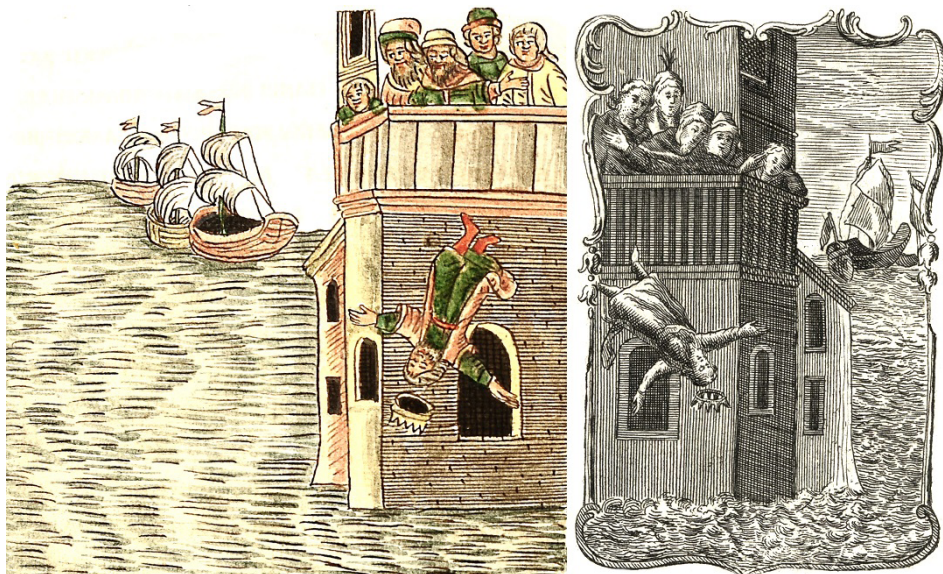

Рис. 3. Гибель Эгея. *Ифика Иерополитика*: перерисовка гравюры в рукописи и оригинальная гравюра из позднего издания.

На фоне курьезов, изложенных в стихотворении, тема мудрости выглядит вторичной, да и выбор этих курьезов из внушительной сокровищницы *exempla*, накопленных опытом древней и средневековой литературы, вызывает вопросы. Если истории Эгея и Эсхила связаны с роковым стечением обстоятельств, то появление Самсона кажется неожиданным. Безусловно, этот персонаж постоянно фигурирует в виршах о смерти с мотивом *ubi sunt* – «былого великолепия»¹⁴, «где ныне?»¹⁵; часто его имя составляет удачную звуковую пару к имени Соломона. К этому же мотиву отсылает тезис, сформулированный Симеоном Полоцким в 11-м стихотворении цикла *Смерть*: «Весь бо, смерть и здравья люди умерщвляти, / и сильные во гробех мужы полага-ти»¹⁶. Но если предположить, что у автора стихотворения XVIII в., помимо *Ифики Иерополитики*, был еще какой-то образец, восходящий к традиции Средневековья, то можно реконструировать логическую связку: и Самсон, и следующий за ним Эсхил погибают от обрушения здания («палат»).

¹⁴ Й. Хейзинга, *Осень Средневековья: исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*, Москва: Айрис-пресс 2004, с. 165–167.

¹⁵ С. И. Николаев, *Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в.*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин 1996, т. 49, с. 233.

¹⁶ *Симеон Полоцкий...*, с. 145.

На примере стихотворения Симеона Полоцкого, который искусно владел литературной техникой западноевропейской традиции, хорошо видно, что курьезные смерти группируются вокруг роковых причин гибели, а не назидательных сентенций.

История Эсхила сильно пострадала при переложении: стихотворец ничего не говорит о сути предсказания, «сверху вержении» (возможно, ради рифмы «право» – «нездравно»), а «яснь» (открытое место) заменяет полем, при этом именно полное изложение сюжета соотносится с выводом автора о мудрости. Впрочем, при наличии единственного списка стихотворения можно предположить утрату небольшого фрагмента текста. К гипотетическим погрешностям переписчика можно также отнести метрические недочеты. В целом стихотворение представляет собой 13-сложник, после седьмого слога следует цезура. Отступления от этого есть в первой строке («славна» можно было бы заменить на «преславна»); в предпоследней («лишний» слог во второй части строчки); «но и виршах токмо бяше» – возможно, «лишний» слог появился при замене формы сказуемого; вместо «бысть зело обиятны» следует читать «обьятны», как и имя «Фезей»; также в строке «На чистом поле живот свой скончаше» можно подозревать утрату наречия или прилагательного. Разумеется, эти реконструкции весьма условны, многие оригинальные тексты этого времени содержат метрические отступления при сохранении общей тенденции к равносложности.

Еще одним косвенным доказательством знакомства стихотворца с европейскими виршами о смерти является использование слова «поета» («паде на главу поеты»). До укрепления в русском языке слова «пиит», фиксируемого в словаре XVIII в., были единичные случаи транслитерации латинского «poeta». Стихотворение о пытавшемся обмануть судьбу Эсхиле в *Theatrum mortis* так и озаглавлено: *Aeschylus poeta*¹⁷. Симеон Полоцкий использует приложение к имени стихотворца именно так: «Анакреонт поэта ягоды ядыше»¹⁸.

Собирание и воспроизведение путем нанизывания подобных «смертоносных» курьезов в тексте – модель, действующая в нашей культуре долгое время. В 1753 г. генерал Василий Нащокин соотносит смерть профессора Рихмана от удара молнии в ходе эксперимента со смертью Эсхила, ссылаясь на ту же *Ифику Иерополитику*¹⁹, а именно на пассаж: «Во всем бо и везде

¹⁷ J. W. von Valvasor, *Theatrum mortis humanae tripartitum. Das ist: Schau-Bühne dess menschlichen Todts in drey Theil an Tag gegeben*, durch Joannem Weichardum Valvasor. Laybach: Joh. Baptista Mayer 1682, с. 122.

¹⁸ Симеон Полоцкий..., с. 145.

¹⁹ И. А. Вознесенская, *Записки В. А. Нащокина: роль документа в мемуаристике XVIII в.*, [в:] *Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин 2017, т. 36, с. 54.

смерть наша, и кончина наша рождается обильно, кроме иных бесчисленных: опровержения, падения зданий, и травы, гром и молния...»²⁰.

«Каталоги» смертей, «коллекции» безвестных происшествий и знаковых анекдотов, продолжают создаваться и в наше время. В одних случаях эти перечни носят назидательный, предупредительный характер (к примеру, анимационная социальная реклама *Dumb ways to die* 2012 г.). В поздних литературных текстах эти звенья сюжетов балансируют на грани абсурда (иногда черного юмора) и экзистенциального ужаса (Рассказы Даниила Хармса, цикл Хосе-Мигеля Ульяна *Вымыслы* 1968 г.). Однако совмещение пугающего и курьезного характерно для них до сих пор.

Далее мы приводим стихотворение *О мудрости* из рукописного сборника, в котором три виршевых текста предваряются заголовком *Varia Carmina Ruthenia* с датировкой 1737, по рукописи РГБ, Ф. 299, № 43, л. 2 об. – 3 об. Графика упрощена, знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами, орфография источника сохранена:

De Sapientia

Мудрость паче храбрости бывает славна
 И от разумных мужей зело преизбранна,
 Зане храбрость Сапсона силна умервила,
 Полатами онаго и жизни лишила.
 Аще бы мудрость тогда во Сампсоне бяше,
 Не бы всуе преславны живот свои скончаше.
 Яко же Есхилии, стихотворец красны,
 Во стихотворениях бяше доброгласны,
 Прием извещение о смерти он право,
 Яко имат воскоре пребыти нездорово,
 Изыде же от града и в поле седяше.
 Орел же по восдуху со желвом летяше
 И угоднаго себе обреташе время,
 Да с высоты разбьет нашедшее бремя.
 По случаю же орел, видя главу гладку,
 Мня быти камню, хотя есть пищу пресладку,
 Испустил тогда желва от нохтей свободно,
 Еже паде на главу поеты угодно.

²⁰ Ифика Иерополитика..., с. 292.

Тако нечаян конец изшедшему бяше –
    На чистом поле живот свои скончаше,
Зане не зело к сему име ум глубоки,
    Но и в виршах токмо бяше разумновысоки.
Подобне Афином князь бяше Егей суши,
    Превеликую нужду в Крите той имущи,
Тогда посла Фезеа, любезнаго сына
    (И того имяше он у себе едина),
Завеща же оному сие дело право:
    «Егда возвращение будешь иметь здраво,
Распрости на корабли знамение бело,
    Потщися сотворити сие, чадо, смело».
Егда ж приближахуся дние те грядущи
    И корабль скоро к граду отцеву плывущи –
И с протчими боляры сыновни родитель
    Возшед на столп у берега, его охранитель,
Смотря вси он корабли добре: да узнает
    И приезд к себе сына, здрав да созерцает.
Фезеи аще имяше приезд и приятны,
    Но радостию тогда бысть зело обиятны –
Забыв увета отча, знаменми пловяше
    Не з белы, но с ветхими, то не вспоминаше.
Егеи же позна корабль сыновни известно,
    Яко без знамения бела бе прелестно,
Чаяв сына нездрава и омертве вскоре,
    От жалости многия утопе во море.
Так всегда неимущим храбрости бывает
    И сердце человека скоро сокрушает,
Но надлежит всякому в мудрости пребыти
    И добре всякую вещь о себе судити.
Аще же бы и Егей премудрость имяше,
    Не бы напрасно живот свой славы скончаше.
Того ради есть мудрость паче храбрости славна
    И от всех земнородных велми есть прехвална.

References

- Huizinga, Johan. *Osen Srednevekovya: issledovaniya form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh*. Moskva: Airis-press, 2004.
- Ifika Ieropolitika ili Filosofia nravouchitel'naya simvolami i priupodoblenii izyasnenna*. Vena: Pri vostochnom illiricheskom tipografe Iosife Kurtsbek napechatana, 1774.
- Nikolaev, Sergei I. *Stikhotvorenie Yakopone da Todi «O suete mira» v russkikh perevodakh XVII v.* In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1996. Vol. 49: 224–236.
- Pamyatniki literatury Drevnei Rusi*: sbornik. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1994, vyp. 12: XVII vek, kn. 3, ed. S. I. Nikolaev, A. M. Panchenko.
- Polotskii, Simeon. *Vertograd mnogotsvetnyi*, eds. A. Khippisli, L. I. Sazonova. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2000. Vol. 3.
- Russkaya sillabicheskaya poeziya XVII–XVIII vv.*, ed. A. M. Panchenko. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1970.
- Tarkovskii, Rostislav; Tarkovskaya, Lana. *Ezop na Rusi. Vek XVII: issledovaniya, teksty, komentarii*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2005.
- Valvasor, Johann Weikhard von. *Theatrum mortis humanae tripartitum. Das ist: Schau-Bühne dess menschlichen Todts in drey Theil an Tag gegeben*. Laybach: Joh. Baptista Mayer, 1682.
- Virshvaya poeziya (pervaya polovina XVII v.)*: sbornik, eds. V. K. Bylinin, A. A. Ilyushina. Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1989.
- Voznesenskaya, Irina A. *Zapiski V. A. Nashchokina: rol dokumenta v memuaristike XVIII v.* In: *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny*: sbornik statei. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2017. Vol. 36: 47–61.

Received: 27.12.2021. Verified: 30.08.2022. Accepted: 23.10.2022.
 © by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)